

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Возможность перевода как философская проблема

Поддерезин Григорий Андреевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: podder@mail.ru

Тексты переводятся с одного языка на другой, люди в той или иной степени достаточно успешно между собой коммуницируют – об этом говорит нам практика того, что обычно зовется «переводом» *par excellence*, а также практика повседневного общения. Представляется достаточно очевидным, что термин «перевод», прежде всего апеллирующий к означаемой им практике, помимо этого чисто «прикладного» аспекта, имеет еще и принципиально иной, философский срез.

Практика перевода дает нам возможность стать соучастниками и свидетелями удивительного таинства – связи между двумя языками. Но здесь возникает ряд вопросов, острие которых направлено на десакрализацию самого этого «таинства». Как перевод вообще, в целом, может быть осуществлен? Что дает возможность навести мост между двумя гетерогенными языковыми системами, зачастую даже внешне не имеющими никакого сходства? Что, в конце концов, переводится?

Таким образом, проблема перевода затрагивает не столько сам перевод, сколько его возможность. А возможность перевода – это то, что должно отсылать к действующему пониманию языка, либо обеспечивающего такую возможность, либо же исключаящего ее. Перевод будет схвачен/ускользнет от схватывания тем или иным образом в зависимости от того, какой онтологической моделью языка мы располагаем.

Общей чертой классических подходов к рассмотрению языка является их специфическое отношение к смыслу; прерогативой и исключительной областью размещения последнего по умолчанию оказывается глубина (например, Соссюр осуществляет этот характерный ход путем введения различия означающего и означаемого, чувственно-внешней и внутренне-умопостигаемой сторон знака). Проще говоря, язык – это одежда, накидываемая поверх нетленного тела смысла (по одному из выражений Л. Витгенштейна, «Язык переодевает мысли»). При таком подходе работа переводчика становится «эротикой смысла»: необходимо сначала выявить «божественное», «ангельское» смысловое ядро, старательно очистив его от шелухи земных языков, а затем облечь в новую языковую плоть. Внешнее, т.е. собственно «языковое», оказывается незначительным: оно может быть устранено без потерь – и повсеместно устраняется.

В контексте свойственной такому рассмотрению языка «нейтрализации» внешнего (язык как вариативное средство выражения вовне неизменной в своей чистоте мысли) как вторичного, тварной формы для нетварного содержимого, санкционируется единственный допустимый ракурс спекуляций о переводе. В его рамках сложность и многогранность этой практики редуцируется к вопросу о средствах трансляции смыслов, сохраняющих собственное тождество на каждой из точек возможных траекторий. Перевод здесь представляет собой скорее корпус определенных затруднений прикладного характера, повод для головной боли у переводчиков, но никак не философскую

проблему. Он замкнут во времени (есть и начало, и конец работы переводчика, отмечаемые постановкой буквы на первой странице и точки на последней) и в пространстве (в той мере, в какой книга рассматривается классикой как изолированное, абстрагируемое от хаоса внешних связей целостное единство). Задача переводчика в этих условиях сводится к жесткой экономии передаваемого смысла и планомерной бухгалтерии используемых для достижения этой цели дискурсивных средств.

Постклассика (в частности, Ж. Деррида и Ж. Делез) провоцирует целый вихрь проблематизаций языка, подвергая сомнению релевантность фундаментальных онтологических предпосылок, не осмысляемых в классическом философском пространстве (но, тем не менее, образующих его контуры и структуры). В числе прочих подследственных пресуппозиций под вопрос ставится одно из основополагающих различий – дихотомия, разводящая мысль и язык. Это, в свою очередь, наносит удар по целому ряду имплицитных из нее созвездий концептов. Среди них обнаруживает свою проблематичность и связка смысл/перевод. Смысл, смещаясь из глубины на поверхность, теряет свою самотождественность; язык совершает головокружительный пируэт, превратившись из греховной оболочки данной богом души-смысла в амальгаму «внешнего» и «внутреннего», сделавшую бессмысленным и первое, и второе, сплавив их вплоть до полной неразличимости.

Этот процесс закономерным образом влечет за собой деформацию классических представлений о переводе как о транспортировке смыслов; перевод в «старой» своей ипостаси – как перевод смысла из одной формы в другую – в новых концептуальных условиях становится онтологически неосуществимым. В рамках классической модели языка перевод также может быть невозможным, однако вина за эту невозможность будет упорно возлагаться на язык; по умолчанию проставляются знаки равенства между неудачами коммуникации и несовершенствами средств этой коммуникации. Мысль, как и всегда, остается «не при чем» (что во многом роднит ее с платоновскими идеями, за чью руку борются вещи-претенденты). Неосуществимость же перевода в новых условиях повязана скорее не на средства, а на то, что «нечего переводить»; это уже онтологическая невозможность. Однако в силу того, что любая онтология несет на себе печать этики, постклассические повороты в рассмотрении языка кладут предел старой этике перевода, шкала ценностей которой располагает на верхних позициях вечное и неизменное, а на нижних – изменчивое и преходящее.

Литература

1. Делез Ж. Логика смысла. М., Екатеринбург, 1998.
2. Делез Ж. Что такое философия? М., 2009.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
4. Рикер П. Парадигма перевода. URL: <http://belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm>
5. Фуко М. Что такое автор? URL: <http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt>